

© 2024. Миронов В. В.

Восприятие ситуации в Афганистане

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zbvtbm>

Восприятие ситуации в Афганистане в экспертных подходах СССР и США в 1979–1985 гг. По материалам заседаний Политбюро ЦК КПСС и аналитических докладов ЦРУ

Миронов Виктор Владимирович

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия, Омск

eLibrary Author SPIN: 6193-5762

<https://orcid.org/0000-0001-9341-8753>

Scopus Author ID: 57218993856

vvm_512@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию специфики экспертных подходов при принятии решения о вводе войск и в ходе войны в Афганистане. В качестве источников привлечены рассекреченные документы ЦРУ, опубликованные Архивом национальной безопасности США, и стенограммы заседаний Политбюро ЦК КПСС, с которых в 1990–2000 гг. был снят гриф секретности. Комплекс привлеченных источников позволяет выявить круг субъектов, показать методы и определить роль политической экспертизы в ходе развития войны в Афганистане. Советский подход исходил из доверия к экспертной оценке лишь ряда ведомственных структур, изначально встроенных в систему принятия политических решений. Экспертная поддержка оказалась краткосрочной и была призвана обеспечить систему мер для реализации политического курса, что говорит о подчиненном положении экспертных структур политическому руководству. Американский подход, напротив, судя по рассекреченным документам ЦРУ, исходил из анализа социологических факторов развития событий, что позволило на первоначальном этапе выявить спектр сил и субъектов, которым могла быть оказана помощь. По мере установления связей с оппозиционными силами стали прорабатываться маршруты и способы поставки вооружений. Экспертные подходы советской стороны усиливали ошибочность и непоследовательность проводимой советской политики, а американские оценки объективно способствовали разжиганию войны внутри Афганистана.

Ключевые слова: советско-афганская война, экспертное сообщество, международная система, Афганистан, СССР, США

Цитирование: Миронов В. В. Восприятие ситуации в Афганистане в экспертных подходах СССР и США в 1979–1985 гг. По материалам заседаний Политбюро ЦК КПСС и аналитических докладов ЦРУ. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 481–491. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-481-491>

Поступила в редакцию 05.03.2024. Принята после рецензирования 12.04.2024. Принята в печать 15.04.2024.

full article

USSR vs. US Expert Approaches to Situation in Afghanistan in 1979–1985: CPSU Politburo Minutes vs. CIA Reports

Victor V. Mironov

Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk

eLibrary Author SPIN: 6193-5762

<https://orcid.org/0000-0001-9341-8753>

Scopus Author ID: 57218993856

vvm_512@rambler.ru

Abstract: The article features the role of expert approaches in decision-making concerning the military intervention in Afghanistan by the USSR and the USA. The author identified the subjects, methods, and functions of political

expertise in the war in Afghanistan based on minutes of Political Bureau of the Central Committee of the Communist Party and analytical reports declassified by the Central Intelligence Agency. The Soviet authorities employed experts from those departmental structures that were inherent in the original political decision-making system. This short-term expert support was to provide a system of measures for the implementation of the state policy, i.e., the expert structures were subordinate to the government. The US authorities, on the contrary, relied on the sociological factors in their analysis of the unfolding scenario. This approach allowed them to identify which forces and entities to support at the initial stage. By establishing contacts with the religious opposition, they eventually developed weapon traffic routes. In the USSR, the faulty expert approach aggravated the inconsistency of the Soviet policy while US expert reports contributed to the outbreak of war in Afghanistan.

Keywords: Soviet-Afghan War, expert community, international system, Afghanistan, USSR, USA

Citation: Mironov V. V. USSR vs. US Expert Approaches to Situation in Afghanistan in 1979–1985: CPSU Politburo Minutes vs. CIA Reports. *SibScript*, 2024, 26(3): 481–491. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-481-491>

Received 5 Mar 2024. Accepted after peer review 12 Apr 2024. Accepted for publication 15 Apr 2024.

Введение

Война в Афганистане чаще всего воспринимается в исторической ретроспективе как определенный просчет советского руководства, как событие, положившее конец процессу разрядки международной напряженности 1970-х гг. и вместе с тем ставшее началом нового витка в развитии холодной войны [Полынов, Рудь 2019]. Именно этот этап эволюции международной системы, в свою очередь, привел к истощению Советского Союза и в конечном счете способствовал распаду страны [Малахова 2015]. Известно, что война не пользовалась поддержкой населения внутри Союза, а совпадение с кризисными тенденциями последних лет существования СССР обусловило еще более негативную ее оценку в исторической памяти [Ляховский, Забродин 1991: 6]. В немалой степени этому способствовала и политическая оценка ситуации. Так, вслед за выводом советских войск из Демократической Республики Афганистан (ДРА) появилось Постановление Съезда народных депутатов СССР, где первым пунктом значилось моральное и политическое осуждение этой войны¹. Разумеется, данное обстоятельство не способствовало поиску общественного консенсуса по осмыслению ее итогов.

Как результат подобных процессов, акценты в изучении тех событий в научной литературе были сконцентрированы на анализе причин провала афганской политики: узкогрупповом принятии решений о ее начале [Нессар 2009], проведении внешней политики, основанной на идеологическом восприятии государственных интересов

[Белоусов 2014; Топорков 2012], чрезмерных экономических затратах, чего СССР уже объективно не мог себе позволить [Рабуш 2018], и недооценке мусульманского фактора при реализации внешнеполитических замыслов [Князев 2021; Медведко, Арруе 2021].

В этой связи хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что оценки и анализ войны в значительной степени идут вслед за устойчивыми клише общественного сознания 1980-х гг. [Брачев, Полынов 2019]. Они воспроизводят перцепции восприятия событий поздним советским обществом, а фрагментарная и изменчивая картина исторической памяти дополняется стремлением вписать Афганскую войну в общий контекст распада Советского Союза. В результате анализ данного конфликта остается, с одной стороны, довольно общим, с другой – достаточно мозаичным и селективным [Христофоров 2019]. Постепенно появляющиеся исторические документы дают возможность оценивать последствия и значение этой войны в контексте эволюции биполярной системы международных отношений [Foreign relations... 2018]. Комплекс имеющихся для анализа документов не создает нового целостного понимания общей исторической картины происходящего, но позволяет показать события в Афганистане как сложную, результирующую взаимодействия различных политических сил и процессов [Давыдов 2019; Шапиро 2019] войну. В этой связи уместно остановиться на анализе разницы *экспертных* подходов к принятию решений по Афганистану накануне и в период

¹ О политической оценке решения ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. Постановление Съезда народных депутатов СССР № 982-1 от 24.12.1989. СПС КонсультантПлюс.

войны с 1979 по 1985 г. Они отражают разные мотивы и методы оценки советским и американским руководством, как и свидетельствуют о различном понимании существа ситуации в стране.

С этой точки зрения новый этап эволюции международной системы был порожден не только вводом советских войск в Афганистан, но широким рядом внутренних и международных факторов, которые привели к общему изменению международного порядка [Фененко 2023]. Это и «зеленая революция» в Иране (1978), нефтяные шоки 1970-х гг., новая фаза развития конфликтов в Центральной Америке, военное положение в Польше (1981–1983), Фолклендская война, ливанские события начала 1980-х гг., которые пересматривали успокоенность урегулированием на Ближнем Востоке после Кемп-Дэвида, война на Африканском Роге. Последний случай был особо отмечен З. Бжезинским. Фактически бывший государственный секретарь признал, что разрядка была похоронена не в Кабуле, а в пустынях Огадена. Именно поэтому еще за полгода до ввода советских войск в Афганистан, 3 июля 1979 г., президент США Д. Картер подписал первую директиву об оказании помощи религиозной оппозиции против СССР в Кабуле².

Иначе говоря, война в Афганистане в этом ряду событий, по словам бывшего Директора Агентства Национальной безопасности США в 1985–1988 гг. Уильяма Элдриджа Одома, была показателем утраты веры в возможность дальнейшего сотрудничества между сверхдержавами. Поднимался вопрос о дальнейшей стратегии действий для советского и американского руководства. Афганистан с этой точки зрения был тем событием, которое потребовало разработки и применения новых практических подходов на фоне следующего этапа эволюции международной системы. Примечательно, что подходы, посвященные вовлечению американской политики в конфликт, оказываются востребованными при оценке ситуации в Афганистане и в XXI в. [Давыдов 2019; Шапири 2019]. При этом каждая из сторон действовала и оценивала ситуацию автономно. Этот аспект заслуживает самостоятельного внимания.

Термин *экспертные подходы*, вынесенный в название статьи, обладает некоторой долей условности. Было бы некорректным говорить об экспертных оценках,

т.к. они представляют собой самостоятельный метод политических исследований [Знаменский 2023]. Очевидно, что политическая экспертиза внутри СССР, если и осуществлялась, то должна была получить одобрение партийного и советского руководства. Как известно, политической науке в СССР отказывали в самом праве на существование. Это явно препятствовало формированию прикладной политической экспертизы. Нельзя этот термин применять и в отношении вузовской и академической науки. Очевидно, что это влияние на данное событие не верифицируемо. Однако, к концу 1970-х гг. сформировался определенный круг специалистов, сложился жанр так называемых аналитических записок, готовились материалы, составлявшие так называемые *особые папки*, которые рассматривались при принятии того или иного политического решения. Степень их влияния установить сложно, но важно, что некоторые стенограммы заседаний Политбюро ЦК КПСС могут свидетельствовать о том, какие именно аргументы и подходы принимались во внимание и чьи оценки пробивали себе дорогу при принятии политических решений по Афганистану. Это позволяет рассматривать отдельные вопросы в изучении истории войны как политические просчеты в экспертизе и дает возможность реконструировать процесс принятия политических решений, объясняющий предопределенность совершения подобных ошибок³ [Якупова, Якупов 2019].

С Соединенными Штатами проблема оценки влияния политической экспертизы выглядит иначе. В США международные отношения считаются частью политической науки. Здесь, напротив, существовала развитая система независимой политической экспертизы, представленная отдельными учеными, влиятельными университетами, дипломатами, аналитиками политических партий и СМИ. Но также сложно отследить, мнения каких именно экспертов и в каком объеме учитывались при принятии конкретных решений. Тем не менее будем исходить из предпосылок о том, что аналитические и экспертные доклады Центрального Разведывательного Управления (ЦРУ) отражают основной набор аргументов проведенной политической экспертизы.

Разумеется, что сопоставимость подобных оценок оставляет определенные вопросы, но в целом

² Zbigniew Brzezinski: How Jimmy Carter and I started the Mujahideen: Interview. *Le Nouvel Observateur*, 1998, 15–21 Jan. P. 76.

³ Петр Гончаров: Ввод войск в Афганистан можно считать ошибкой, но он был неизбежен. Интервью провел К. Богданов. *30 годовщина ввода советских войск в Афганистан*. МГИМО, 2009. URL: <https://mgimo.ru/afghan/132584.html> (дата обращения: 28.02.2024).

на основании их изучения можно говорить о разности восприятия ситуации в Афганистане и специфике принятия политических решений по трем основаниям. Во-первых, эта экспертная оценка исторически может отслеживаться документально. Во-вторых, эмпирически видны аргументы и мотивы, которыми оперировали власти США и СССР, что позволяет уйти от некоторых стереотипных оценок общественного сознания при определении значения войны в Афганистане, привязки ее истории к объективным факторам развития СССР и сосредоточиться на оценке ее роли в эволюции международных отношений. В-третьих, методологически этот подход интересен в рамках новой политической истории, которая возникла после холодной войны на фоне кризиса зарубежной советологии. Она, как известно, уходит от больших нарративов и описания истории событий к выявлению контекстов и состояний [Большакова 2006: 11–13]. Иначе говоря, предметом изучения при данном подходе выступает не событийная история политики, а реконструкция мира политического. Поэтому в пределах анализа таких аспектов изучения событий в Афганистане термин *экспертный подход* допустимо использовать. Назначение термина *экспертное сообщество* в целях данной работы – в уходе от представлений об Афганской войне как изначально ошибочной в ретроспективной оценке прошлого и необходимости ее дальнейшего изучения как фактора эволюции системы международных отношений.

Источниками для такой работы выступили рассекреченные документы ЦРУ, опубликованные Архивом национальной безопасности США⁴. Эти источники относительно слабо были задействованы в исторических исследованиях в силу их закрытости и слабой доступности. Также были привлечены стенограммы заседаний Политбюро ЦК КПСС, с которых в 1990–2000-е гг. был снят гриф секретности. Собственно, собранный массив документов не такой и новый, но он дает возможность предметно сравнить, чем руководствовались стороны, оценивая ситуацию в Афганистане в 1979–1985 гг., и рассматривать ее историю в контексте некоторой интеллектуально-политической драмы.

Результаты

Проблема ввода советских войск в Афганистан на заседаниях Политбюро ЦК КПСС в 1979 г.

Вопрос о возможности ввода советских войск в Афганистан для решения политических задач впервые был поставлен и обсуждался на заседании Политбюро ЦК КПСС за девять месяцев до декабрьских событий 1979 г. Примечательно, что участники встречи практически единодушно высказались против подобного решения, кроме того, тогда же был озвучен ряд аргументов, которые показывают осознание ряда опасных последствий такого решения. Например, рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС, на котором председательствовал лично Л. И. Брежнев, от 17 марта 1979 г. четко воспроизводит мотивы, по которым участники дистанцировались от ввода дополнительных континентов советских войск в ДРА. Член Политбюро Андрей Павлович Кириленко отметил, что одним из возможных последствий такого решения может быть втягивание СССР во внутреннюю борьбу в стране, в результате чего Советский Союз может втянуться в войну с народом⁵.

Можно, наверное, возразить, что указанный политик был не самым влиятельным участником из состава Политбюро, и отношение к нему, судя по воспоминаниям современников, было не очень дружественным. Так, А. С. Черняев вспоминал, что он не мог правильно произносить фамилии, плохо вел заседания Секретариата ЦК, ему не хватало опыта и глубины понимания тех или иных проблем [Черняев 2010: 443]. Однако этот образ политика мог сложиться не в конце 1970-х, а в начале 1980-х гг., когда А. П. Кириленко перенес инсульт, что сказалось на речи и мышлении. Но в 1970-х гг. именно А. П. Кириленко проводил заседания Секретариата ЦК КПСС в отсутствие М. А. Суслова. В этой связи стоит прислушаться к мнению И. Е. Синицина о том, что в конце 1970-х гг. А. П. Кириленко фактически занимал четвертую позицию в составе Политбюро ЦК КПСС после Л. И. Брежнева, М. А. Суслова и Ю. В. Андропова, курируя весь военно-промышленный комплекс СССР [Синицин 2015: 130–132].

Другие участники заседания также негативно высказались в отношении просьбы Нур Мохаммада Тараки

⁴ U.S. Foreign Policy in the Carter Years, 1977–1981. *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/dnsa/2023-12-14/us-foreign-policy-carter-years-1977-1981> (accessed 23 Feb 2024).

⁵ Об обострении обстановки в Демократической Республике Афганистан и наших возможных мерах. Стенограмма заседания Политбюро ЦК КПСС от 17.03.1979. С. 4–5. *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/25607-document-25-zasedanie-politbyuro-ck-kpss-ob-obostrenii-obstanovki> (дата обращения: 23.02.2024).

о необходимости введения дополнительных контингентов вооруженных сил для борьбы с растущим влиянием религиозной оппозиции внутри ДРА. А. А. Громыко со своей стороны недвусмысленно высказался о том, что ввод советских войск будет восприниматься как агрессивная политика со стороны СССР, и как опытный дипломат призывал воздержаться от этой меры⁶. Эту же позицию озвучил и Ю. В. Андропов, который заявил, что «мы не можем пойти на такой риск»⁷. Остальные участники в лице А. Н. Косыгина, Б. Н. Пономарева, Л. И. Брежнева говорили о необходимости разработки политических, экономических и дипломатических мер в качестве альтернативы силовой операции. Л. И. Брежнев резюмировал нецелесообразность ввода войск в данный момент как общую позицию Политбюро⁸. А. Н. Косыгин предложил ряд альтернативных мер оказания помощи. Спектр этих мер носил комплексный характер и затрагивал поставки на безвозмездной основе военной техники и оружия, дипломатическую поддержку, поставки сельскохозяйственной продукции и газа по ценам, которые позволили бы компенсировать дополнительные военные расходы правительству Афганистана⁹. Например, в дипломатической сфере было решено сменить посла, провести консультации главного военного советника с руководством афганской армии о ее потребностях и проблемах, организовать переговоры с М. Базарганом о недопустимости оказания помощи афганским пуштунам со стороны Ирана по религиозным мотивам. С экономической стороны к числу мер А. Н. Косыгиным было предложено увеличить объемы поставок пшеницы в Афганистан с 75 до 100 тыс. т, чтобы продемонстрировать экономическую эффективность политики афганского правительства Н. Тараки¹⁰.

Все это свидетельствует о понимании возможных рисков и разработке иных альтернатив силовой реакции на события. Как минимум трое из тех, кто принимал в дальнейшем решение о вводе войск, высказались против этой меры в данный момент и обосновали свою позицию аргументами, которые сегодня историки рассматривают как причины поражения советской политики в стране.

Переломным моментом в изменении восприятия ситуации в Афганистане для советского руководства стало свержение Нур Мохаммада Тараки в сентябре 1979 г. и поездка члена Политбюро ЦК КПСС Бориса Николаевича Пономарева в страну. На этом этапе потребовалась дополнительная экспертиза, о необходимости которой шла речь в марте. Ключевая роль в этом процессе отводилась Б. Н. Пономареву. Помимо членства в Политбюро, Б. Н. Пономарев был академиком, одно время работал в Институте Красной профессуры, помогал в свое время Г. Димитрову. В 1957–1986 гг. он был заведующим Международным отделом ЦК КПСС (по связям с коммунистическими и рабочими партиями капиталистических стран, с левыми партиями и организациями стран Третьего мира). Он был одним из основных лиц, формировавших внешнюю политику СССР на рубеже 1970–1980-х гг. Неслучайно, что именно он был отправлен с рабочим визитом в ДРА для уточнения ситуации на месте.

По возвращении Б. Н. Пономарев поддержал идею расширения военной помощи. Кроме того, было предложено глубже исследовать ситуацию в стране, а из стенограмм заседаний Политбюро видно, какие именно структуры этим занимались – Международный отдел ЦК КПСС, которым руководил Б. Н. Пономарев, Минобороны, КГБ и МИД СССР. Иначе говоря, вопрос об оказании помощи потребовал дополнительной экспертной проработки к сентябрю–октябрю 1979 г., которая, однако, оставалась встроенной в сложившуюся систему принятия решений и осуществлялась по существу государственными структурами. Это видно из того, какие именно ведомства были задействованы, и целей, которые перед ними ставились.

В целом международно-политическая экспертиза решения о вводе войск в ДРА была встроена в идеологическую (партийную) модель принятия решений. Это подтверждают выводы Н. Лейтеса применительно к модели принятия политических решений, сложившейся еще в 1950-х гг. [Leites 1951]. Кроме того, после сентябрьского смещения и убийства Н. Тараки в октябре 1979 г. последовало *личное* письмо Ю. В. Андропова Л. И. Брежневу, датированное

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 11.

приблизительно началом декабря 1979 г.¹¹ В нем отмечены контакты Амина с представителями американских спецслужб, обсуждение планов отдаления от СССР и возможное занятие позиции нейтралитета, что рассматривалось Председателем КГБ как утрата завоеваний апрельской революции. Отмечался рост антисоветских чувств внутри населения, отстранение главы дипломатического представительства СССР в Кабуле от контактов с руководством и перспектива отзыва дипломата. В записке рекомендовалось делать ставку на Бабрака Кармаля и Асадуллу Сарвари. Фактически речь шла о готовом проекте решения, которое необходимо было провести через решение Политбюро.

И без того небогатая экспертная оценка была перечеркнута. Аргументы Ю. В. Андропова оказались решающими, а само решение было мотивировано и санкционировано политически. Выписка из протокола заседания Политбюро от 28 января 1980 г. прямо предписывала руководствоваться решениями Политбюро при разработке системы мер в Афганистане после ввода советских войск¹².

Оценка ситуации в Афганистане после ввода ограниченного контингента советских войск и развитие политической экспертизы

Более-менее независимая оценка ситуации в Афганистане оказалась востребованной в районе 1981 г., когда стало ясно, что первоначальный план военной поддержки Б. Кармаля в течение полугода не сработал. Потребовалось просчитать целесообразность мер при осуществлении системы социально-экономического реформирования в стране. Показательна в этом плане докладная записка И. Щедрова «О положении в Афганистане» от 12 ноября 1981 г., которая оказалась в поле внимания Политбюро в силу просьбы главного редактора газеты «Правда» В. Афанасьева¹³. Любопытно, что эта оценка по методу написания напоминает SWOT-анализ текущей ситуации с привлечением широких социологических индикаторов в интерпретации социально-политической специфики

Афганистана. Примечательно, что тем же путем двигались американские аналитики из ЦРУ в этот период.

В записке обозначено, что подконтрольные Кабулу территории составляют не более 15 %. По кишлакам правительственные силы контролируют в районе 5 тыс. из 35 тыс. общего количества поселений. К октябрю 1981 г. халькисты сохранили 2 из 29 постов губернатора. От исламской оппозиции полностью не была освобождена ни одна провинция. Примерная численность бандформирований оценивалась экспертом в 70 тыс. человек, по 1,5–2,5 тыс. человек в каждой провинции. Правда, в качестве положительного момента отмечалось то обстоятельство, что идеи левых (маоистов, в первую очередь) также не получили развития и поддержки у населения. Оппозиционное властям движение развивалось под религиозными лозунгами¹⁴.

В качестве недостатков осуществляемой политики отмечалась пробуксовка аграрной реформы, что должно было обеспечить поддержку кабульского правительства крестьянством. Землю не могли передать в пользование крестьянам в силу сильных традиций общинного землепользования, отсутствия закона о воде и даже возвращения земель муллам (так называемое вакуфное землевладение), бывшим помещикам и офицерам. В этих условиях в кишлаках не могли сформировать даже потребительские кооперативы, не говоря уже о каких-то формах совместной обработки земли¹⁵. А именно передача земли крестьянам рассматривалась как основная мера социально-экономической поддержки населения и фактор привлечения симпатий населения к деятельности нового правительства.

Особое внимание уделялось национальному вопросу в контексте процессов формирования крупных отрядов оппозиции в отдельных провинциях. И. Щедров полагал, что не погоня за отдельными бандами душманов, не преследование подозреваемых и обыски в кишлаках, что вызывает протесты местного населения, а освобождение крупных районов при сохранении первоначального военного контроля и скоординированной системы социально-экономических мер может

¹¹ Personal memorandum from Yuri Andropov to Leonid Brezhnev, early December 1979. *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/19777-national-security-archive-doc-12-personal> (accessed 23 Feb 2024).

¹² О дальнейших мероприятиях по обеспечению государственных интересов СССР в связи с событиями в Афганистане. Выписка из протокола № 181 заседания Политбюро от 28 января 1980 г. *National Security Archive*. URL: https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/A%201980.01.28.PDF (дата обращения: 29.02.2024).

¹³ О положении в Афганистане. Докладная записка И. Щедрова от 12.11.1981. *National Security Archive*. URL: https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/November%2012,%201981.pdf (дата обращения: 27.02.2024).

¹⁴ Там же. С. 3–5.

¹⁵ Там же. С. 6–7.

принести со временем положительные результаты. Здесь он ссылался на опыт Индокитая и особое внимание уделял проблемам координации действий между военной и политической властью в Афганистане, что рассматривалось как одна из причин неудач предшествующего периода¹⁶.

Таким образом, автономная политическая экспертиза потребовалась тогда, когда первоначальный план не сработал и было необходимо обосновать систему мер по социально-экономическому реформированию традиционных укладов. Предложенная отдельными экспертами модель была рассчитана на средне- и долгосрочную перспективу при сохранении военного контроля. Объективно эти меры способствовали затягиванию вовлеченности СССР в конфликт и не ставили под сомнение принятое решение. Общий вектор политического руководства и принятия решений оставался неизменным до конца войны. Вывод войск из Афганистана также был мотивирован политическими соображениями. Поэтому брать всю ответственность за эту войну пришедшее к власти в 1985 г. новое советское руководство не хотело, что и нашло выражение в осуждении ввода войск в Афганистан Съездом Народных депутатов СССР в 1989 г.

Факторы оценки развития ситуации в Афганистане в экспертных документах ЦРУ

Американская позиция, судя по некоторым документам Центрального Разведывательного Управления, демонстрировала иные особенности восприятия и подходы к анализу ситуации в стране. После ввода советского ограниченного контингента просчитывались сценарии успеха советизации Афганистана и возможности оказания поддержки оппозиции, перспективы мобилизации родственных этнических групп для оказания помощи со стороны соседних государств [Рабуш 2018]. С этой точки зрения интерес представляет Меморандум ЦРУ от 23 сентября 1980 г., посвященный оценке ситуации в Афганистане и подготовленный политическим отделом аналитического центра по Юго-Западной Азии¹⁷.

Документ исходил в первую очередь из племенного деления страны, что с объективной стороны

демонстрировало некоторые локальные особенности идентичности населения страны и характеризовало общую мозаичную картину афганского общества. Так, аналитиками отмечалось, что племенное деление в Афганистане может иметь политическое значение для пуштунов восточной и южной части, некоторых земледельческих районов, в то время как для городских пуштунов этническая идентичность не имеет существенного значения. Как отмечалось, среди городских пуштунов есть даже физики и юристы. Ослаблены племенные связи у туркменской общины северо-западного Афганистана. Что касается узбеков северного Афганистана, то вряд ли Советскому Союзу удастся мобилизовать эту часть населения через связи с соотечественниками в СССР, т.к. большинство из них сбежали в Афганистан еще в период борьбы с басмачеством в 1920–1930 гг. и связей, как правило, не поддерживают¹⁸. Кроме того, мало доказательств, что власти СССР задействуют родственный фактор и связи с соотечественниками для мобилизации общества и перетягивания населения на свою сторону. Правомерность этого наблюдения в дальнейшем подтвердилась [Iskandarov 2013].

Но даже там, где этническая принадлежность играет роль, этот фактор просто проявляется в виде идентификации людей с более широкой социальной группой. Население в основном сосредоточено в кишлаках, старейшины которых решают свои дела без оглядки на всю племенную группу или существующие административные единицы. Таким образом, делался вывод о том, что СССР не может полагаться на разобщенность племен как на фактор, облегчающий победу. Наиболее сильным сопротивлением будет среди пуштунов в провинции Пактия, среди нуристанцев и таджиков северного Афганистана и вдоль пакистанской границы¹⁹. А там, где для СССР открывается возможность взаимодействия, население видит в реформах, скорее, возможность украсть что-либо или временную целесообразность²⁰. Гораздо большим интеграционным потенциалом обладает в этом отношении ислам, который формирует базовые установки отношения к советским войскам как к иноверцам. В дальнейшем, поддерживая религиозную оппозицию

¹⁶ Там же. С. 11–12.

¹⁷ Memorandum CIA. 23 Sep 1980. *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB57/us2.pdf> (accessed 27 Feb 2024).

¹⁸ Ibid. P. 3.

¹⁹ Ibid. P. 2.

²⁰ Ibid. P. 4.

просоветскому режиму, аналитики ЦРУ отмечали племенное деление общества как препятствие для объединения разрозненных групп оппозиции в противодействии СССР. Этносоциальная структура населения была одновременно фактором, препятствующим распространению общей просоветской политики, и фактором, который сдерживал объединение оппозиции на антисоветской основе. Любопытно, что причины неудач американской политики рассматриваются сегодня с точки зрения этносоциологии и географии [Мейли 2015: 24–31].

Возможности внешней поддержки также определялись через социокультурную и этнополитическую специфику. В докладе отмечалось, что племена, живущие в труднодоступных и отдаленных районах северной части афгано-пакистанской границы, слишком небольшие и изолированные, чтобы быть полезными для целей СССР. Пакистанские пуштуны южной части границы будут, вероятнее всего, поддерживать инсургентов и симпатизировать «своим». В отношении Ирана делался вывод о том, что в приграничных районах проживает население, относящееся к этническим меньшинствам, а кроме того, аполитичное. Часть из них уже вовлечены в процесс оказания помощи инсургентам, но они заинтересованы в росте доходов от контрабанды²¹, рассматривают оказание помощи как возможность заработать.

Таким образом, первичная оценка ситуации осуществлялась вовсе не из геополитических мотивов, о чем впоследствии заявляли руководители США. Подход экспертов ЦРУ был близок к тому, что в отечественной науке характеризуется как социология международных отношений с элементами этнополитического анализа. Определенным результатом этого подхода стали опора на религиозную оппозицию, а не этническое деление общества, и разработка маршрутов оказания помощи моджахедам. На этой основе к 1982 г. удалось установить связи и организовать поставки оружия и амуниции для шести ведущих групп инсургентов, о чем свидетельствует отчет для Директора ЦРУ от 5 ноября 1982 г.²² Там уже уделялось повышенное внимание военным вопросам.

В 1985 г. экспертами ЦРУ был подготовлен довольно большой аналитический отчет Департаментом Ближнего Востока и Южной Азии совместно с Аналитическим отделом ЦРУ по СССР по оценке перспектив развития ситуации в Афганистане²³. Здесь также присутствовал социологический подход к анализу перспектив дальнейшего развития событий. Например, среди причин нарастания борьбы и провала советских инициатив в области социально-экономического улучшения ситуации в Афганистане отмечались несовместимость и даже враждебность советской школы к нормам афганского общества. Это приводило не только к провалу попыток ликвидации неграмотности, но и к тому, что даже жители афганских городов, получившие профессиональное образование в СССР, не хотели возвращаться в Афганистан. Спустя пять лет советские медиа в стране не могли обеспечить поддержку населения в силу его неграмотности, недоверия к режиму, разности религиозных традиций и приверженности афганцев к собственным ценностям²⁴. Поэтому советская программа трансформировать Афганистан в желательном для Москвы направлении имела незначительный эффект. Отмечался и раскол в Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) на две части по этническому признаку.

В оценке перспектив дальнейшего развития ключевым методом оказался SWOT-анализ, который применялся как в отношении положения СССР, так и в отношении инсургентов. Таким образом, экспертная оценка ситуации нуждалась в постоянной подстройке под изменяющиеся обстоятельства. В этой связи можно согласиться с мнением Ю. В. Рубцова о том, что уроки войны в Афганистане только начинают осмысливаться [Рубцов 2009].

Заключение

Принятие политических решений в отношении Афганистана в конце 1970-х гг. сопровождалось некоторой экспертной поддержкой. По-видимому, ее необходимость была обусловлена объективным развитием нового этапа в эволюции международной системы, в чем отдавали себе отчет руководители

²¹ Ibid. P. 5.

²² U.S. Analysis of the Soviet War in Afghanistan. 5 Nov 1982. *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB57/us3.pdf> (accessed 27 Feb 2024).

²³ The Soviet invasion in Afghanistan. Five years after. 5 May 1985. *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB57/us5.pdf> (accessed 29 Feb 2024).

²⁴ Ibid. P. 4

обеих сверхдержав. Однако место подобной экспертной оценки, как и набор методов, которыми оперировали ее участники, имели существенные различия.

Советский подход исходил из доверия к экспертной оценке лишь ряда ведомственных структур, изначально встроенных в систему принятия политических решений. В данном конкретном случае экспертная поддержка оказалась краткосрочной в 1979 г. и была призвана обеспечить систему мер для реализации политического курса. При этом сама оценка ситуации, что наглядно видно из анализируемых документов, была прервана логикой развития процессов внутри Афганистана, а политические факторы оказались определяющими, что говорит о подчиненном положении экспертных структур политическому руководству.

По мере выявления сложностей с реализацией первоначального плана возрастала потребность в понимании специфики ситуации внутри Афганистана. В связи с этим появляются аналитические записки, которые принимают в расчет широкий круг факторов социального и политического характера. Это способствует осознанию длительности и системности в реализации проводимых мероприятий, но вместе с тем не ставит под сомнение принятые военные решения. По своему содержанию эта экспертиза напоминает методику SWOT-анализа, что позволяет говорить о некотором смещении акцентов от проработки силовых сценариев в сторону политических вариантов.

Американский подход, напротив, судя по рассекреченным документам ЦРУ, исходил из анализа социологических факторов развития событий, что позволило

на первоначальном этапе выявить спектр сил и субъектов, которым могла быть оказана помощь. По мере установления связей с оппозиционными силами стали прорабатываться каналы поставки вооружений и логистика. Кроме того, факторный анализ позволял говорить о перспективах и проблемах советской политики в Афганистане. Примечательно, что для собственной оценки ситуации аналитики ЦРУ также использовали методику SWOT-анализа.

Экспертные подходы советской стороны усиливали ошибочность и непоследовательность проводимой советской политики, а американские оценки объективно способствовали разжиганию войны внутри Афганистана. С позиций новой политической истории разность подходов к оценке ситуации в Афганистане позволяет описывать эту войну в контексте некой интеллектуальной политической драмы, где соперничают различные подходы, которые если и используют общие методы, то результат оказывается непредопределенным. Тогда при всей ошибочности советских решений в отношении ДРА война в Афганистане была вызвана объективными процессами трансформации международного порядка, а экспертные подходы показывали поиск новых методов в новых исторических условиях.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Белоусов И. И. К вопросу о принятии политических и военных решений при вводе советских войск в Афганистан. *Наука. Общество. Оборона*. 2014. № 2. [Belousov I. I. On the question of political and military solutions when the Soviet troops in Afghanistan. *Nauka. Obshество. Oborona*, 2014, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2014-10025>
- Большакова О. В. Новая политическая история России: Современная зарубежная историография. *Аналитический обзор*. М.: ИНИОН РАН, 2006. 97 с. [Bolshakova O. V. New political history of Russia: Modern foreign historiography. *Analytical review*. Moscow: INION RAS, 2006, 97. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nbjzjm>
- Брачев В. С., Польшов М. Ф. Политика СССР в отношении Афганистана в 1978–1991 годах. *Научный диалог*. 2019. № 9. С. 246–261. [Brachev V. S., Polynov M. F. USSR policy on Afghanistan in 1978–1991. *Nauchnyi Dialog*, 2019, (9): 246–261. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-9-246-261>
- Давыдов А. А. Непрерывная война США в Афганистане. *Пути к миру и безопасности*. 2019. № 2. С. 34–47. [Davydov A. A. Continuous U.S. war in Afghanistan. *Puti k miru i bezopasnosti*, 2019, (2): 34–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-2-34-47>

- Знаменский Д. Ю. К вопросу об использовании экспертных методов анализа в процессе подготовки бакалавров по направлению подготовки «Политология». *Вестник университета*. 2023. № 8. С. 15–20. [Znamenskiy D. Yu. Expert methods use in undergraduate political science programs. *Vestnik universiteta*, 2023, (8): 15–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-8-15-20>
- Князев А. А. К истории афганского движения «Талибан» (середина – вторая половина 1990-х гг.). *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2021. Т. 21. № 4. С. 13–21. [Knyazev A. A. Regarding the issue of history of the Afghan Taliban movement (the middle and second half of the 1990s). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2021, 21(4): 13–21. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qgezgr>
- Ляховский А. А., Забродин В. М. Тайны афганской войны. М.: Планета, 1991. 245 с. [Lyakhovskii A. A., Zabrodin V. M. *Secrets of the Afghan War*. Moscow: Planeta, 1991, 245. (In Russ.)]
- Малахова Т. С. Причины и последствия распада биполярной системы: геоэкономический аспект. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2015. Т. 11. № 2. С. 45–54. [Malakhova T. S. Causes and consequences of the bipolar system collapse: A geo-economic aspect. *National Interests: Priorities and Security*, 2015, 11(2): 45–54. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tdvfav>
- Мейли У. Афганистан с точки зрения истории и географии. *Конфликт в Афганистане: дискуссия по гуманитарным вопросам: право, политика, деятельность*: Международный журнал Красного Креста. Избранные статьи из номеров 880–881, декабрь 2010 г. – март 2011. М.: [2015]. С. 13–33. [Maley W. Afghanistan: An historical and geographical appraisal. *Conflict in Afghanistan: Discussion on humanitarian issues: Law, politics, and activities: International Review of the Red Cross*. Selected articles from issues 880–881, Dec 2010 – Mar 2011. Moscow: 2015, 13–33. (In Russ.)] URL: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-11/582.pdf> (accessed 29 Feb 2024).
- Медведко С. Л., Арруе Е. Р. Религиозный фактор в Афганистане и его влияние на развитие внутреннего конфликта (1978–1989). *Религия, стабильность, безопасность*, ред. О. Н. Сенюткина. Н. Новгород: НГЛУ, 2021. С. 66–73. [Medvedko S. L., Arrue E. R. Religious aspect in Afghanistan and its influence on the escalation of domestic conflict. *Religion, stability, and security*, ed. Senyutkina O. N. Nizhny Novgorod: NSLU, 2021, 66–73. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/fwpulr>
- Нессар О. 1979 год: роковые ошибки Афганской войны. 30 годовщина ввода советских войск в Афганистан. МГИМО, 2009. [Nessar O. 1979: fatal mistakes of the Afghan war. 30th anniversary of the entry of Soviet troops into Afghanistan. MGIMO, 2009. (In Russ.)] URL: <https://mgimo.ru/afghan/132497.html> (accessed 23 Feb 2024).
- Полынов М. Ф., Рудь И. А. Афганистан во внешней политике СССР. 1978–1991 гг. *Общество. Среда. Развитие*. 2019. № 3. С. 26–36. [Polynov M. F., Rud I. A. Afghanistan in the foreign policy of the USSR. 1978–1991. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, 2019, (3): 26–36. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ahjxpf>
- Рабуш Т. В. Процесс военного вовлечения СССР в афганский конфликт: взгляд из США. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2018. Т. 23. № 6. С. 134–144. [Rabush T. V. The process of military involvement of the USSR in the Afghan conflict: A U.S. view. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, 23(6): 134–144. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.10>
- Рубцов Ю. В. Советский Союз в «Необъявленной» войне в Афганистане (1979–1989 годы): осмысление прошлого. *Новая и новейшая история*. 2009. № 1. С. 48–70. [Rubtsov Yu. V. The Soviet Union in "the not declared" war in Afghanistan (1979–1989): The judgment of the past. *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 2009, (1): 48–70. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jvvvj1>
- Синицин И. Е. Андропов вблизи: Воспоминания о временах оттепели и застоя. М.: Центрполиграф, 2015. 512 с. [Sinitin I. E. *Andropov up close: Memories of the times of thaw and stagnation*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2015, 512. (In Russ.)]
- Топорков В. М. Тайная дипломатия СССР в Афганистане 1978–79 гг. *Вестник Башкирского университета*. 2012. Т. 17. № 2. С. 1050–1055. [Toporkov V. M. USSR secret diplomacy in Afganistan in 1978–79. *Bulletin of the Bashkir University*, 2012, 17(2): 1050–1055. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pdatnj>

- Фененко А. В. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория. *Международные процессы*. 2023. Т. 21. № 1. С. 6–42. [Fenenko A. V. International order as a category of international studies: Theoretical foundations. *Mezhdunarodnye Processy*, 2023, 21(1): 6–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.1.72.8>
- Христофоров В. С. Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию. *Российская история*. 2019. № 6. С. 3–21. [Khristoforov V. S. Afghan events 1979–1989: From cognition to comprehension and recognition. *Rossiiskaia Istorია*, 2019, (6): 3–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S086956870007464-1>
- Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2010. 1047 с. [Chernyaev A. S. *Joint outcome. Diary of two eras. 1972–1991*. Moscow: ROSSPEN, 2010, 1047. (In Russ.)]
- Шапиро Н. И. Преемственность и новации в политике США в Афганистане. *Мировая политика*. 2019. № 4. С. 26–45. [Shapiro N. I. Continuity and novations in U.S. policy in Afghanistan. *Mirovaia politika*, 2019, (4): 26–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2019.4.31510>
- Якупова Д. В., Якупов Р. А. Советское общество и война в Афганистане в оценках Центрального разведывательного управления. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2019. № 2. С. 84–99. [Yakupova D. V., Yakupov R. A. Soviet society and the war in Afghanistan in the CIA assessments. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*, 2019, (2): 84–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2019-2-7>
- Foreign relations of the United States, 1977–1980. Vol. XII. Afghanistan*, eds. D. Zierler, A. M. Howard. Washington: Department of State, 2018, 954.
- Iskandarov K. The Pakistani factor in the Afghan conflict. *Central Asia and the Caucasus*, 2013, 14(3): 83–96. <https://www.elibrary.ru/mogbzb>
- Leites N. *The operational code of the Politburo*. NY: McGraw-Hill Book Co., 1951, 100.